

ТОЛКОВАНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО СЛОВА КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ СМЫСЛА В АСПЕКТЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

О.М. Мокшенинова

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов толкования церковнославянского слова как способа раскрытия его смысла в аспекте формирования русско-церковнославянской вторичной языковой личности, которую автор рассматривает как совокупность способностей и характеристик человека, оправдывающих создание и восприятие носителями двух генетически родственных языков продуктов индивидуального дискурса на русском языке с вкраплениями слов, выражений из церковнославянского. Наличие в живой русской речи церковнославянских лексем открывает возможности исторической преемственности в переводах библейских и гимнографических текстов. Целью работы является обоснование толкования церковнославянского слова как способа раскрытия смысла в аспекте вторичной языковой личности. В работе представлена трехуровневая модель анализа семантики церковнославянской лексики (общее, главное, основное значения), соотношенная со структурой языковой личности по Ю.Н. Караулову. Теоретические положения иллюстрируются анализом концептов, а также описанием эксперимента, проведенного с референтной группой учащихся православной гимназии. В заключение делается вывод о том, что изучение русско-церковнославянской языковой личности актуально, поскольку в обществе наблюдается рост интереса к языку богослужения, соответственно есть необходимость в изучении подходов к исследованию вторичной языковой личности приобщающихся к освоению церковнославянского языка.

Ключевые слова: церковнославянский язык, русско-церковнославянская языковая личность, вторичная языковая личность, сбалансированное двуязычие, толкование слова, семантика, концепт, дискурсивные практики, автокоммуникация

Для цитирования: Мокшенинова О.М. Толкование церковнославянского слова как способ раскрытия смысла в аспекте вторичной языковой личности // Преподаватель XXI век. 2025. № 4. Часть 2. С. 442–452. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-442-452

© Мокшенинова О.М., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

INTERPRETATION OF CHURCH SLAVONIC WORDS AS A WAY OF REVEALING MEANING IN THE ASPECT OF SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY

O.M. Moksheninova

Abstract. *This article examines the processes of interpreting Church Slavonic words as a way of revealing their meaning in the aspect of the formation of a Russian-Church Slavonic secondary linguistic personality. The author views this personality as a combination of human abilities and characteristics that justify the creation and perception by speakers of two genetically related languages of personal discourse products in Russian interspersed with words and expressions from the Church Slavonic. The presence of Church Slavonic lexemes in living Russian speech opens up the possibility of historical continuity in the translations of biblical and hymnographic texts. The aim of this work is to substantiate the interpretation of Church Slavonic words as a means of revealing meaning in the aspect of secondary linguistic personality. The paper presents a three-level model for analyzing the semantics of Church Slavonic vocabulary (general, primary, and fundamental meanings), correlated with the structure of linguistic personality according to Yu.N. Karaulov. The theoretical propositions are illustrated by an analysis of concepts, as well as a description of an experiment conducted with a reference group of students at an Orthodox gymnasium. Finally, the study of the Russian-Church Slavonic linguistic personality is relevant given the growing interest in the language of church service in society. Consequently, there is a need to explore approaches to studying the secondary linguistic personality of those learning Church Slavonic.*

Keywords: *Church Slavonic language, Russian-Church Slavonic linguistic personality, secondary linguistic personality, balanced bilingualism, word interpretation, semantics, concept, discursive practices, autocommunication*

Cite as: Moksheninova O.M. Interpretation of Church Slavonic Words as a Way of Revealing Meaning in the Aspect of Secondary Linguistic Personality. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2025, No. 4, part 2, pp. 442–452. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-442-452

443

Взаимоотношения русского и церковнославянского языков в современной социо-лингвистической ситуации в России опирается на исторически сложившийся языковой базис, поскольку церковнославянский язык со времен Древней Руси использовался в качестве литературного и богослужебного и оказывал значительное влияние на формирование русского языка, его лексики, грамматики и стилистики [1]. Церковнославянский язык, выделившийся из старославянского языка — языка памятников письменности, существенно отличается от него звуковой системой, парадигмой знаменательных частей речи и синтаксисом. Этапы формирования национального языка положили начало чужеродности [2] церковнославянского языка, за которым закрепилось влияние традиции, однако развиваться он стал по собственным законам. Вместе с тем ситуация двуязычия по-прежнему актуальна.

80-е годы XX столетия отмечены интересом к исследованию феномена «языковой личности» по отношению к родному языку и вторичной языковой личности применительно к любому неродному языку.

Актуальность работы заключается в изучении процессов толкования и раскрытия смысла церковнославянского слова как «присвоения» церковнославянского языка языковой личностью в процессе его осмысления и владения им.

Исследование уникальных особенностей языковых личностей, сложившихся благодаря освоению близкородственных языков — русского и церковнославянского, побудило обратиться к проблеме сбалансированного двуязычия. Наличие в живой русской речи церковнославянских лексем открывает возможности осмысления главных концептов славянской картины мира, а также исторической преемственности в переводах библейских и гимнографических текстов.

Новизна работы. В настоящем исследовании впервые проводится анализ феномена русско-церковнославянской языковой личности, которая репрезентирует знания близости корневого состава и одновременно различия семантических оттенков двух генетически родственных языков на вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационно-прагматическом уровнях.

Методами исследования являются лингвистический анализ, метод толкования лексического значения слова и метод идентификации, которые позволяют раскрывать многослойность смыслов словесных знаков.

Обзор литературы

Изучение языковой личности в отечественной лингвистике принято соотносить с именами И.А. Бодуэна де Куртенэ [3], А.А. Потебни [4], Л.В. Щербы [5], Р.А. Будагова и др. [6].

Формирование языковой личности, по мнению Ф.И. Буслаева, связано с развитием коммуникативных навыков, грамотности, осознанием культурных аспектов языка [7, с. 89].

В работах Ю.В. Рождественского понятия «речевая деятельность» и «языковая личность» отождествляются: языковая личность оценивается согласно критериям, определяющим владение искусством речи [8, с. 12–34].

Особое место в исследовании языковой личности принадлежит В.В. Виноградову, который представляет ее в виде художественной языковой личности [9, с. 78]. Ю.Н. Караулов дал определение языковой личности и обобщил идеи В.В. Виноградова [10, с. 64].

В настоящем исследовании **языковая личность** понимается как система свойств индивида, проявляющихся в дискурсивных практиках и отражающих уровень владения языком, коммуникативную компетентность. Языковая личность характеризует способность человека создавать, воспринимать и интерпретировать тексты и использовать язык как средство взаимодействия и самовыражения в различных жизненных ситуациях [10, с. 54].

Вторичная языковая личность — это совокупность языковых навыков и коммуникативных способностей, приобретенных индивидом при изучении и использовании иностранного языка [11, с. 54]. Она отражает уровень владения вторым языком, адаптацию к новому языковому и культурному контексту, а также способность эффективно общаться и функционировать в среде носителей этого языка.

Для определения вторичной языковой личности актуализируется мысль о применении этого понятия не только к любому живому языку, отличному от первого (родного), но и по отношению к любому древнему (мертвому) языку.

Вторичная церковнославянская языковая личность с позиции этапов ее формирования и развития и с учетом специфичной русско-церковнославянской ситуации рассматривается как совокупность способностей человека, оправдывающих создание и восприятие носителями двух языков продуктов речевого творчества на церковнославянском языке при наличии сбалансированного двуязычия, а также обуславливающих восприятие и производство русских текстов с вкраплениями церковнославянских слов, выражений и текстов с различными видами адресации. Оказывая поддержку первому — доминантному, в изучаемом случае — русскому языку, церковнославянский приобретает статус официального признания и употребления. Этому способствует грамотное вкрапление элементов церковнославянского языка в речь носителей двух славянских языков [12, с. 143].

Сбалансированное двуязычие в нашем исследовании есть процесс овладения двумя генетически родственными языками и использование сложных межязыковых взаимоотношений связей, при котором владение церковнославянским языком не только не создает помех для русской языковой личности, но и помогает функционально использовать ресурсы русского языка, а также исторически накопленную церковнославянскую лексику, прочно закрепившуюся в русском языке.

Русско-церковнославянская языковая личность представляет уникальный тип, благодаря которому субъективно воспринимаемая информация о познанном мире презентуется в виде текста, в котором отражена языковая картина мира, позволяющая выбирать номинативные единицы, генерализованные выражения и задавать коммуникативную перспективу высказывания согласно требованиям внутреннего лексикона.

Слово как лексическая единица рассматривается через призму ее семантического и культурного значения, позволяющего репрезентировать знания значений русско-церковнославянской языковой личности в дискурсивных практиках. По мысли Ю.С. Степанова, перспектива каждого высказывания должна рассматриваться с точки зрения практики, которая преобразует и обновляет значение (семантику), значение и субъект синхронно производятся в динамике текста, т.е. в дискурсе [13, с. 428].

Уникальным свойством русско-церковнославянской языковой личности является способность:

- распознавать и активно использовать общепризнанные стандартные структуры;
- сохранять индивидуальную субъективацию;
- идентифицировать слова, фразеологизмы, текст, сквозь призму индивидуального тезауруса;
- соотносить все языковое многообразие с возможностью репрезентировать знания;
- определять каждому элементу место в личной языковой картине мира;
- адекватно контексту использовать слова, образы и языковые ассоциации в дискурсивных практиках.

Смысл церковнославянского слова представляет собой комплексное многоуровневое и многогранное явление, включающее лексический, этимологический, семантический, контекстуальный, богословский и культурный аспекты. Здесь значим контекст варьирования языковых средств, обнаруживающий важность владения не только языковой компетенцией, но и знания социально обусловленных коннотаций, расширяющих смыслы, заложенные в основном значении [14, с. 25].

Для раскрытия смысла церковнославянского слова в аспекте вторичной языковой личности были изучены способы описания лексического значения и варианты толкования смысла, обоснованные в работе В.В. Колесова: развитие семантического ядра слова со стороны его внутренней формы; изучение кальки слов с набором семантических признаков (сохраняют переносное значение слова языка-источника или помогают развиться семантике слова в заимствующем языке, при этом становятся символом); анализ сочетаемости слов в заданных контекстах; исследование системных соотношений слов внутри лексико-семантической группы лексики; анализ коннотаций, ограниченных стилем; соотношение омонимов и синонимов внутри системы и квазисистемы [14, с. 25].

Вслед за В.В. Колесовым мы рассматриваем три значения — общее, главное, основное. Общее значение содержит семы, считающиеся общими для всех вариантов словесного знака, постоянные в любом речепотреблении. Общее значение объединяет множественность значений, это своего рода понятийная рамка словесного знака. Главное значение подобно общему: оно постоянно и не зависит от контекста. Основное значение наделено функцией семантической доминанты словесного знака и выражено всеми переносными значениями слова [14].

Определим общее, главное и основное значения существительного *жѣзлѣ* (Псалом 22 [15, с. 182]), с которым мы сталкиваемся не только при чтении текстов, но и во время богослужения:

- общее (буквальное) значение: *палка, посох, прут*;
- главное (религиозно-символическое) значение: *символ власти, силы и избранничества, дарованных свыше*;
- основное (богословско-образное) значение: *Прообраз Божией Матери, от Которой чудесным образом произошел Христос*.

Приведенные толкования церковнославянских слов соотносятся с уровнями мышления языковой личности — *вербально-семантическим, лингво-когнитивным (тезаурусным) и мотивационно-прагматическим* [10].

Толкование церковнославянского слова русско-церковнославянской личностью связано с установлением отношения лексического значения к знаку. Оно помогает объемно и содержательно представить действительность с позиции дифференциальных признаков явления (раскрыть смысл церковнославянского слова).

На *вербально-семантическом уровне* русско-церковнославянская личность идентифицирует значения слов как единиц уровня посредством толкования знака, где лексическое значение как семантика знака (наивное понятие) определяется его толкованием, которое связано с переводом слова на особый семантический язык [16, с. 69–70].

Общее (буквальное) значение: *жѣзлѣ* — *ράβδος* 1) палка, дубина, кол; прут, это исходное, прямое значение слова, которое служит материальной основой для последующего символического развития. Оно подтверждается цитатой из Книги Царств: *надѣвшиа тѣх на жѣзлѣ трогатѣный, сломяный ей на ѡгнѣхъ ли* [17].

На лингво-когнитивном уровне символическое значение становится основой для разного мышления; личность оперирует бинарными оппозициями (дух/плоть) и смысловыми полями (спасение, благодать), начиная мыслить церковнославянскими концептами, которые формируют ее славянскую картину мира. Когнитивное движение в направлении к расширяющемуся кругу денотатов — это зона актуального развития,

в которой русско-церковнославянская языковая личность находит точки пересечения слова с денотатами.

Главное (символическое) значение: *жѣзлѣ* — это центральное значение в дискурсе. Оно раскрывается в двух ключевых контекстах:

- жезл как знак пастырского служения и духовной власти (*жезлъ силы* в молитве к Богородице);
- «*жѣзлѣ ѿрѣшѣвъхъ*» как явление чуда о расцветшем *жѣзлѣ*, подтвердившем избранничество Аарона и его рода на священство. Здесь жезл становится символом благословения и знамения от Бога.

На *мотивационно-прагматическом уровне* язык реализует свою главную функцию как инструмент конструирования и регуляции социальной реальности в рамках дискурсивных практик.

Основное (образное) значение (Прообраз Божией Матери) — это высший, наиболее глубокий уровень смысла. На основе ветхозаветного прообраза (расцветший жезл Аарона) в литургических текстах сама Богородица именуется *жѣзлѣ*: «*Рѣдѣла жѣзлѣ, ѿ негѣ же безсѣмѣннѣ бѣхъ прозвѣбѣй*». В этом значении акцент смещается с власти на чудо жизни, явленное через избранный сосуд.

Дискурсивные практики показывают, что невостребованность коммуникативной функции церковнославянского языка представляется таковой только на первый взгляд (старославянский язык с начала своего зарождения не был предназначен для решения задач межличностной коммуникации). Факт его создания Первоучителями Кириллом и Мефодием сказался на последующем развитии норм церковнославянского языка, в частности на его коммуникативных возможностях, распространившихся, прежде всего, на православное богослужение, которое охарактеризовано как *автокоммуникация* [18, с. 191–199]. Ю.М. Лотман трактует ее как коммуникацию личности с самой собой [19, с. 163].

Учитывая специфичность функций церковнославянского языка (коммуникативной, кумулятивной, дискурсивной, автокоммуникативной), а также их субординацию, важно помнить, что в роли ведущей выступает автокоммуникативная языковая функция, представляющая форму коммуникации, при которой адресант равен адресату [9, с. 231].

Ярким примером автокоммуникации является Иисусова молитва: *Гдѣ ѿнѣ Хрѣте, Сыне Бжїй, помѣлуй мѧ* (Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня). Адресант равен адресату, поскольку молящийся произносит молитву, обращаясь к Богу (внешний адресат), но при этом обращение формируется в нем самом.

В настоящее время церковнославянский язык как часть профессиональной подготовки изучается в духовных образовательных учреждениях, на филологических факультетах вузов, неизменно растет интерес к церковнославянскому языку как языку богослужений, прихожане храмов осваивают его самостоятельно. Церковнославянский язык продолжает играть важную роль в религиозной практике и культурной традиции, однако его специфика и значение в контексте русско-церковнославянской языковой личности требуют глубокого и современного анализа.

Так как современные исследователи сферы речевого общения прежде всего учитывают всесторонний человеческий фактор и, в частности, социальную характеристику человека [20, с. 310], для получения репрезентативного материала о толковании

Для эксперимента была сформирована референтная группа из учащихся православной гимназии (возраст 10–15 лет) и отобраны генерализованные высказывания, содержащие пересечения словесных знаков из лирических стихотворений русских поэтов, а также стихов Псалтири, Евангелия и других произведений на церковнославянском языке. В ряде случаев были отобраны прецедентные тексты, где наблюдается совпадение аллюзивных слов. По словам Е.М. Верецагина, аллюзивная природа текстов (слов) отсылает к событию, о котором адресант говорит не явно, а с помощью намеков, так как предполагает, что слово или событие известно адресату из его прошлого опыта [21, с. 524].

- выбрать из генерализованных высказываний некоторые концепты и раскрыть их лексические значения с помощью толковых словарей церковнославянской лексики (*вербально-семантический уровень*);

- самостоятельно составить текст, в котором должен быть употреблен рассматриваемый концепт (*мотивационно-прагматический уровень*).

Концепт *іwǫnnъ предѣча* был объяснен с опорой на библейский сюжет об Иоанне Крестителе, поэтому толкование церковнославянского слова *іwǫnnъ предѣча*, связанное с именем Иоанна Крестителя как отца-пустынника, пророка и аскета, не вызвало затруднений.

Для участников референтной группы, владеющих культурным кодом, ключевую роль сыграло не значение слова *предтеча* как 'предшественник' в отвлеченном смысле, а его конкретное наполнение в рамках православной традиции.

В процессе поиска и наблюдения за употреблением концепта в разных контекстах участники референтной группы обращались к Евангелиям, в которых говорится об Иоанне Предтече, а также к гимнографическим источникам, в частности к Минеям, которые отмечены днями празднования Иоанна Крестителя по старому стилю, поэтому относятся к определенным датам декабря, февраля, июня и августа.

Во дни же ѿны прїиде ѡвѣннꙋ крѣтителъ, проповѣдалъ въ пꙋстыни ѡдѣнꙋтъ, и гла: покаянтелъ, приелижнѣе црѣте небесное. ... Тогда нѣхѡждаше къ немꙋ ѡдѣнꙋ, и всѧ ѡдѣа, и всѧ страна ѡдѣнꙋ, и крѣщае во ѡдѣнꙋ ѿ негꙋ, исповѣдающе грѣхꙋ своѡ. (Мф. 3: 1-6);

СВѢШЕ ПРОРОКѢНІА ПРОПОВѢДАНІА ПРЕДТЕЧѢ БЛАГОДѢТІ: КЪ ПОСѢЩЕНІЮ КОПИЩА, КЪ ЦѢРКОВѢ АНГЕЛЬСКЮ ВШЕДША, А КЪ ЧИСТЮ ПРОПОВѢДЕЧѢ МАТЕРЬ ХРІСТА. (Миняя, 11 февраля).

Далее приведен составленный текст как пример дискурсивной практики, наглядно показывающий, что цитирование прецедентного для участников референтной группы текста Священного Писания не просто иллюстрирует исследуемый концепт, а закрепляет его, активируя в сознании участников весь пласт связанных с ним знаний и символов (аскеза, проповедь, Крещение Иисуса, мученическая смерть):

Имя іwanna предѣчи знакомо каждому человеку, который впервые осознанно приходит к Церкви. Именно там он слышит слова крещеніе, Крещеніе Гдѣ, Іорданъ (Мф. 3:13). Читая Евангелие, человек соприкасается с миром веры, через который многие имена становятся ему понятными и родными. Уже в первой главе евангельского повествования апостола Иоанна у читателя происходит встреча с другим Иоанном — Крестителем Господа Иисуса Христа. Об Иоанне человек узнает, что тот являлся отцом-пустынником, пророком и аскетом. О нем говорят и гимнографические тексты, где многие слова отсылают к содержанию Священного Писания: *Іисѹсъ рождшѹа ѿ дѣвы мѣи, ѿ во іорданѣ крещшѹа ѿ іwanna, дѣхъ снѣде на него зримый въ видѣ голубинѣ. Сего ради пророкъ со яггы глаголаше зовый: слава пришестью твою, хрѣте, слава црѣтю твою, слава смочренію твою, едѣне чловеколюбче (Даниил, 15 лет).*

Эксперимент, направленный на обоснование толкования церковнославянского слова как способа раскрытия смысла в аспекте вторичной языковой личности, был проведен в условиях, максимально приближенных к естественной речевой практике носителя славянской картины мира. Референтная группа, составленная из учащихся православной гимназии, обладала ключевым преимуществом — сформированной базовой культурной и нарративной компетенцией, что позволило сосредоточиться на анализе процессов смыслопорождения.

Анализ толкования церковнославянского слова применительно к русско-церковнославянской языковой личности является одновременно методом изучения подобного рода личности и характеристикой ее сущности. Особым требованием остается уникальное внимание к церковнославянскому языку как специальному языковому регистру.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что толкование церковнославянского слова представляет собой сложный многоуровневый процесс смыслопорождения. Экспериментально доказано, что эффективное освоение церковнославянской лексики происходит в результате ее толкования в индивидуальных дискурсивных практиках, где слово имеет возможность отражать многомерность символа, соединяющего лингвистические, культурологические и богословские аспекты.

Представленная трехкомпонентная модель анализа значений — от общего (буквального) через главное (религиозно-символическое) к основному (образному) — продемонстрировала свою продуктивность как инструмент раскрытия смыслового потенциала церковнославянских концептов. На примере анализа слов показано, как последовательное движение по уровням языковой личности обеспечивает переход от семантического анализа к когнитивному освоению и далее — к прагматическому использованию в дискурсивных практиках.

Комплексное изучение феномена русско-церковнославянской языковой личности представляется особенно актуальным в контексте современной социолингвистической ситуации. В обществе наблюдается устойчивый рост интереса к церковнославянскому языку не только как к сакральному коду богослужения, но и как к важнейшей части культурно-исторического наследия. Особую значимость приобретает выявленная доминанта автокоммуникативной функции церковнославянского языка, которая определяет его особое положение в современной языковой ситуации. Именно эта функция создает условия для формирования сбалансированного двуязычия, при котором церковнославянский язык не противостоит русскому, но обогащает его, выступая ресурсом для смыслообразования и духовного самоопределения личности.

Результаты исследования открывают перспективы для разработки новых образовательных методик, направленных на целостное освоение церковнославянского языка как живого инструмента смыслопорождения. Также интерес представляет разработка новых подходов к интеграции лексикографического анализа церковнославянского языка и психолингвистических теорий, касающихся вторичной языковой личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маршева Л.И.* Праславянский, церковнославянский, русский... URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/5864.htm> (дата обращения: 11.09.2025).
2. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
3. *Бодуэн де Куртэн И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.
4. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
5. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
6. *Будагов Р.А.* История слов в истории общества. М.: Добросвет–2000, 2004. 256 с.
7. *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка. М.: URSS, 2010. 360 с.
8. *Рождественский Ю.В.* Становление риторики: проблемы и перспективы // Вопросы лекционной пропаганды. М.: Знание, 1988. С. 12–34.
9. *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
11. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР, 2009. 291 с.
12. *Кравецкий А.Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
13. *Степанов Ю.С.* Язык и метод. М.: Языки русской культуры, 1999. 784 с.
14. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
15. *Псалтирь на церковно-славянском языке.* М.: Терирем, 2018. 479 с.
16. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О.Ю. Богуславская и др.; под общ. рук. Ю.Д. Апресяна.* М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.

17. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. IV: Ж–З. М.: НИЯУ МИФИ, 2023. 364 с.
18. Людоговский Ф.Б. Церковнославянская языковая система: особенности эволюции // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 191–199.
19. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
20. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
21. Верецагин Е.М. Филологическая интерпретация парадоксального поведения св. Наталии Никомедийской // Язык как материя смысла: сб. статей. М.: Азбуковник, 2007. С. 521–548.

REFERENCES

1. Marševa L.I. *Praslavjanskij, cerkovnoslavjanskij, russkij...* [Proto-Slavic, Church Slavonic, Russian...]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/sm/5864.htm> (accessed: 11.09.2025). (in Russ.)
2. Krysin L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike* [The Russian Word, One's Own and Another's: Studies on Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2004, 888 p. (in Russ.)
3. Boduen de Kurtene I.A. *Izbrannye trudy po obščemu jazykoznaniju* [Selected Works on General Linguistics]. Moscow, Izd-tvo AN SSSR, 1963, 384 p. (in Russ.)
4. Potebnya A.A. *Mysl i jazyk* [Thought and Language]. Kiev, SINTO, 1993, 192 p. (in Russ.)
5. Shcherba L.V. *Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 432 p. (in Russ.)
6. Budagov R.A. *Istorija slov v istorii obščestva* [History of Words in the History of Society]. Moscow, Dobrosvet–2000, 2004, 256 p. (in Russ.)
7. Buslaev F.I. *O prepodavanii otečestvennogo jazyka* [On Teaching the Native Language]. Moscow, URSS, 2010, 360 p. (in Russ.)
8. Rozhdestvensky Yu.V. Stanovlenie ritoriki: problemy i perspektivy [The Formation of Rhetoric: Problems and Prospects]. In: *Voprosy lekcionnoj propagandy* [Questions of lecture propaganda]. Moscow, Znanie, 1988, pp. 12–34. (in Russ.)
9. Vinogradov V.V. *O jazyke hudožestvennoj prozy* [On the Language of Artistic Prose]. Moscow, Nauka, 1980, 360 p. (in Russ.)
10. Karaulov Yu.N. *Russkij jazyk i jazykovaja ličnost* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Izd-vo LKI, 2010, 264 p. (in Russ.)
11. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyj slovar' metodičeskikh terminov i ponjatij* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts]. Moscow, IKAR, 2009, 291 p. (in Russ.)
12. Kravetskij A.G., Pletneva A.A. *Istoriya tserkovnoslavyanskogo jazyka v Rossii (konec XIX–XX v.)* [History of the Church Slavonic Language in Russia (Late 19th — 20th Century)]. Moscow, Jazyki russkoj kultury, 2001, 400 p. (in Russ.)
13. Stepanov Yu.S. *Jazyk i metod* [Language and Method]. Moscow, Jazyki russkoj kultury, 1999, 784 p. (in Russ.)
14. Kolesov V.V. *Filosofija russkogo slova* [Philosophy of the Russian Word]. St. Petersburg, Juna, 2002, 444 p. (in Russ.)

15. *Psaltir na cerkovno-slavjanskom jazyke* [The Psalter in the Church Slavonic Language]. Moscow, Terirem, 2018, 479 p.
16. *Novyj ob»jasnitelnyj slovar sinonimov russkogo jazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms], Yu.D. Apresyan, V.Yu. Apresyan, O.Yu. Boguslavskaya, et al.; ed. by Yu.D. Apresyan. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2003, 1488 p. (in Russ.)
17. *Bolshoj slovar cerkovnoslavjanskogo jazyka Novogo vremeni. t. IV: Zh–Z* [Large Dictionary of the New Era Church Slavonic Language, vol. IV: Zh–Z]. Moscow, NIJaU MIFI, 2023, 364 p. (in Russ.)
18. Lyudogovskij F.B. Cerkovnoslavjanskaja jazykovaja sistema: osobennosti evolyucii [The Church Slavonic Language System: Features of Evolution]. In: *Slavjanskij vestnik, vyp. 2* [Slavic Herald, issue 2]. Moscow, MAKSS Press, 2004, pp. 191–199. (in Russ.)
19. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 2000, 704 p.
20. Belikov V.I., Krysin L.P. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, RGGU, 2001, 439 p. (in Russ.)
21. Vereshchagin E.M. Filologicheskaja interpretacija paradoksalnogo povedenija sv. Natalii Nikomedijskoj [Philological Interpretation of the Paradoxical Behavior of St. Natalia of Nicomedia]. In: *Jazyk kak materija smysla: sb. statej* [Language as the Matter of Meaning: A Collection of Articles]. Moscow, Azbukovnik, 2007, pp. 521–548. (in Russ.)

Мокшенинова Ольга Михайловна, учитель русского языка высшей категории, учитель церковно-славянского языка, Оренбургская православная гимназия во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского, olga-mihailovna0308@yandex.ru

Olga M. Moksheninova, Russian Language Teacher, Highest Qualification Category, Church Slavonic Language Teacher, Orenburg Orthodox Gymnasium named after St. Righteous John of Kronstadt, olga-mihailovna0308@yandex.ru